

## СТАТЬИ / PAPERS

*В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская*  
*V.I. Abramova, Ju.V. Arkhangelskaya*

**ПУШКИНСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ  
 В ФОЛЬКЛОРЕ РУНЕТА**

**PUSHKIN'S PRECEDENT-SETTING SAYINGS  
 IN THE FOLKLORE OF THE RUSSIAN INTERNET**

*Авторы обращаются к анализу пушкинского мифа и его репрезентаций в фольклоре Рунета. По их мнению, пушкинский миф включает 1) биографическую составляющую, 2) пушкинские образы и 3) прецедентные высказывания поэта. Последний аспект находится в центре внимания исследователей в данной статье. Анализируя прецедентные высказывания А.С. Пушкина (Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей; Любви все возрасты покорны; Мой дядя самых честных правил; Мы все учились понемногу; Я помню чудное мгновенье; Прибежали в избу дети, / Второпях зовут отца: / «Тятя, тятя, наши сети / Притащили мертвеца»; Чего тебе надобно, старче?; Народ безмолвствует и др.), авторы статьи приходят к выводу о том, что их активное использование поддерживает пушкинский миф в русском сегменте Интернета. Связано это с тем, что они актуализируют культурно значимую для русского человека информацию, обозначают элементы генетического кода нации, выступают в роли необходимых духовных скреп. В фольклоре Рунета пушкинские прецедентные высказывания нередко претерпевают изменения, чаще всего связанные с меной одного или нескольких компонентов. Такое преобразование имеет целью передать важную, с точки зрения говорящего (пишущего), информацию и акцентировать на ней внимание с помощью создания комического эффекта. Прецедентные высказывания Пушкина оказываются включенными в языковую игру в составе таких жанров сетевой поэзии, как стихишки-пирожки и стихишки-порошки; входят в качестве вербального компонента в креолизованные тексты, служат основой многочисленных сетевых анекдотов и итернет-презентем. При использовании пушкинских прецедентных высказываний в сетевом фольклоре можно наблюдать намеренное снижение возвышенного романтического пафоса при помощи обытовления контекста, создание комического эффекта за счет обмана читательского ожидания (многие тексты Пушкина входят в школьную программу и с детства знакомы потребителям интернет-контента).*

**Ключевые слова:** пушкинский миф, сетевой фольклор, прецедентное высказывание, крылатизм, преобразования, трансформации.

*The authors analyze Pushkin's myth and it's representations in the folklore of the Russian Internet. In their opinion Pushkin's myth includes 1) biographic constituent,*

2) *Pushkin's images and 3) the precedent-setting sayings of the poet. The last aspect is in the center of the researchers' attention in this article. After the analysis of Pushkin's precedent-setting sayings (Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей; Любви все возрасты покорны; Мой дядя самых честных правил; Мы все учились понемногу; Я помню чудное мгновенье; Прибежали в избу дети, / Второных зовут отца: / «Тятя, тятя, наши сети / Прутачили мертвеца»; Чего тебе надобно, старче?; Народ безмолвствует и etc.) the authors of the article come to the conclusion that their extensive use is supporting Pushkin's myth in the Russian Internet. It is connected to the fact that they actualize the information culturally significant for the Russian, define the elements of the nation's genetical code, act as necessary spiritual bonds. In the folklore of the Russian Internet Pushkin's precedent-setting sayings often undergo changes mostly connected to the exchange of one or several components. This transformation aims at delivering information important from the point of view of the speaker (writer) and highlights it by means of comic effect. Pushkin's precedent-setting sayings are found to be included into the language game as parts of such genres of the network poetry as pirozhki verses and poroshki verses; enter into creolized texts as a verbal component, serve as a base for multiple network jokes and Internet representations. While using Pushkin's precedent-setting sayings in the network folklore the following can be observed: the intentional decrease of the elevated romantic pathos with the help of bringing the context closer to everyday life, creation of the comic effect by means of disappointing the reader's expectations (many Pushkin's texts are included in the school program and are known to the consumers of the internet content since childhood).*

**Key words:** *Pushkin's myth, network folklore, precedent-setting saying, winged phrase, conversions, transformations.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-59-4-5-14

Данная статья является продолжением исследования авторами проблемы репрезентации Пушкинского мифа в фольклоре Рунета. В предыдущих работах мы анализировали 1) биографическую составляющую этого мифа, которая, по нашему мнению, складывается из мифологического представления о самом поэте (потомок африканца, первый лицеист, Пушкин и няня; любвеобильный человек; Болдинская осень; Пушкин и Натали; Пушкин-дуэлянт и др.) [1] и о значении его для русской культуры (репрезентации данной мифологемы: «Пушкин – наше все», «солнце русской поэзии», «Ай, да Пушкин! ай да сукин сын!», памятник, пророк и др.) [2] и 2) функционирование пушкинских образов в сетевом фольклоре (царица-мачеха и зеркальце из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»; старик, старуха и золотая рыбка из «Сказки о рыбаке и рыбке»; три девицы под окном из «Сказки о царе Салтане...»; кот ученый и дуб зеленый из поэмы «Руслан и Людмила»; Татьяна, Онегин и Ленский из романа в стихах «Евгений Онегин» и др.). В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе рецепции прецедентных текстов поэта и их интерпретации пользователями русского сегмента Сети. Пушкинский текст представлен в фольклоре Рунета чаще всего с опорой на его прецедентные высказывания, прежде всего на крылатые выражения. Авторы статьи «Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов» И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева дают следующее определение прецедентному высказыванию: «Прецедентное высказывание (ПВ) – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само ПВ, как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка» [5, 83]. Составители словарей в разные годы фиксировали разное количество таких единиц. Так, в знаменитом издании Н.С. и М.Г. Ашукиных «Крылатые

слова: Литературные цитаты; Образные выражения» (1987) [3] зафиксировано 139 крылатизмов, авторство которых принадлежит А.С. Пушкину, что, по данным этого же издания, в разы больше крылатых единиц других известных личностей, представленных в словаре. Для сравнения: А.С. Грибоедову принадлежит 68, Н.В. Гоголю – 62, И.А. Крылову – 56, Н.А. Некрасову – 50, М.Е. Салтыкову-Щедрину – 50. У остальных авторов этих единиц гораздо меньше. Как видим, количество пушкинских крылатых выражений вдвое и даже больше, чем вдвое, превосходит крылатизмы его собратьев по перу. Понятно, что словарь был написан почти 35 лет назад, и в настоящее время эти числа могут быть другими. Например, позднее Санкт-Петербургскими учеными во главе с профессором В.М. Мокиенко были изданы словари крылатых выражений Пушкина [7] и Грибоедова [8]. Первый включает около 1900 словарных статей, второй – 2000. Однако в данных изданиях авторы подходят к пониманию крылатых выражений гораздо шире, чем Ашукины, включая в их список практически любую цитацию. В любом случае для исследователей пушкинского текста в фольклоре Рунета важно то, что крылатых единиц, авторство которых принадлежит поэту, много, они востребованы и узнаваемы.

Важным нам представляется и другой аспект: пушкинских прецедентных высказываний не просто много, они актуализируют культурно значимую для русского человека информацию, обозначают элементы генетического кода нации, выступают в роли необходимых духовных скреп. В.Д. Черняк, анализируя присутствие крылатизмов Пушкина в «Русском ассоциативном словаре», отмечает, что пушкинские цитаты и их осколки отражены в нем в качестве реакций на многие слова-стимулы, что позволяет ей сделать следующий вывод: «Пушкинское слово совершенно неотделимо от мировосприятия каждой отдельной личности и нации в целом» [15, 797].

Прежде чем анализировать пушкинские прецедентные высказывания в интернет-фольклоре, следует отметить, что современный фольклор отличается от традиционного. Ведущий фольклорист в области изучения современного фольклора С.Ю. Неклюдов отмечает: если традиционный, «деревенский», фольклор «охватывает практически всю культуру – там и хлебопашец, и пастух, и кузнец, и сельский батюшка обслуживаются одними и теми же традициями, одной системой обрядов, одними текстами», то современный городской фольклор «больше связан с письменными формами, с авторским началом <...> для городского жителя он идеологически маргинален: свои идеологические потребности городской человек удовлетворяет иначе, с использованием других продуктов – главным образом относящихся к масс-медиа и массовой культуре» [11].

Прецедентные высказывания Пушкина активно поддерживают пушкинский миф в русском сегменте Интернета. Рассмотрим наиболее частотное использование подобных феноменов.

#### **Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей**

Источником крылатой фразы является роман в стихах «Евгений Онегин» (глава четвертая, строфа VII). В разговорной речи данное прецедентное высказывание часто искажается: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Это непреднамеренное искажение, оно обусловлено, во-первых, тем, что говорящий неточно помнит, а потому и неточно воспроизводит цитату, во-вторых, тем, что более типичное построение подобных фраз опирается на антитетические конструкции с использованием антонимов: *меньше – больше*, чего мы не наблюдаем у Пушкина. В сетевом фольклоре данное прецедентное высказывание подвергается и намеренным преобразованиям, затрагивающим вторую часть пушкинской фразы. Например, в таких жанрах сетевой поэзии, как стишки-пирожки и стишки-порошки. Эти два жанра, как считает М.А. Кронгауз, разорвать практически невозможно, поскольку «они связаны и культурно, и исторически» [6, 109]. Тем не менее отличие имеется. Пирожки представляют собой «катрены, то есть самостоятельные завершённые четверостишия, которые написаны четырехстопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул. Это означает, что количество слогов в строках таково: 9-8-9-8. Рифм в пирожках нет» [6, 111]. Порошки

«основаны на пирожках и имеют два формальных отличия. Во-первых, четвертая строка усечена в них до 2 слогов: 9-8-9-2. Во-вторых, в порошках четвертая усеченная строка рифмуется со второй» [6, 112]. Комический эффект пирожков и порошков нередко задается при помощи использования прецедентной фразы, которая помещается в неожиданный контекст, что уже было отмечено исследователями [14; 16]. Интересующий нас крылатизм также оказывается включенным в языковую игру в составе стихка-порошка:

*чем меньше женщину мы любим  
тем хуже борщ и жиже квас  
и дети как-то не похожи  
на нас  
© boroda*

Трансформации может подвергаться не только вторая, но и первая часть крылатизма: «*Чем чаще женщину мы любим*, тем меньше шансов у других»; «*Чем больше женщину вы меньше*, тем чаще женщина не вам».

#### **Любви все возрасты покорны**

Данное прецедентное высказывание также восходит к роману в стихах «Евгений Онегин» (глава восьмая, строфа XXIX). Оторванное от контекста, это выражение приобретает в разговорной речи совсем другой смысл. В словаре В. Серова употребление крылатизма трактуется следующим образом: «Используется как шутливо-иронический комментарий по поводу пылких, юношеских чувств немолодого человека» [13]. Эта трактовка в целом совпадает с пушкинским посылом, поскольку в последующих строчках автор «Евгения Онегина» рассуждает о том, что для молодых людей порывы любви благотворны, а для людей преклонного возраста могут быть губительны. Однако в современной разговорной речи фраза чаще используется как оправдание пылких чувств человека в любом возрасте. Образцы можно найти в сетевой поэзии:

*С годами мы не столь проворны –  
Радикулит, мигрень, артроз.  
Любви все возрасты покорны,  
Но ограничен выбор поз.*

Как уже отмечалось выше, авторское начало в подобной поэзии присутствует (приведенный выше стишок сочинен В. Щедриным), что не мешает, однако, относить такие тексты к фольклорным, поскольку, функционируя в интернет-среде, они утрачивают атрибуцию, становясь частью различных презентем (мемов, мотиваторов и т.п.).

В сетевой поэзии может опровергаться смысл пушкинской крылатой фразы. Так, в следующем стихке-пирожке утверждается, что с возрастом женщины приобретают печальный опыт общения с противоположным полом и более разборчивы в выборе партнера:

*любви все возрасты покорны  
как говорили мудрецы  
сейчас уже покорных меньше  
умнеют бабы к тридцати*

В этих и других примерах использования пушкинской фразы в интернет-фольклоре всегда наблюдается ее ироническое переосмысление: «*Любви все возрасты покорны*, но органы, увы, не все»; «Ох, внучка! *Любви все возрасты покорны...* Чем дальше, тем покорнее...».

В нетрансформированном виде прецедентное высказывание *Любви все возрасты покорны* нередко является частью креолизованных текстов, например карикатур, размещенных в русском сегменте Сети. На одной из них изображен старичок, пишущий на асфальте под окном любимой старушки: «Баба Нюра! Ты гений чистой красоты!». Вся картинку сопровождает фраза «*Любви все возрасты покорны*». Как видим, здесь использованы сразу два крылатизма Пушкина: анализируемая цитата из «Евгения Онегина» и строчка из стихотворения «К\*\*\*» («Я помню чудное мгновенье...»).

На трансформациях крылатизма *Любви все возрасты покорны* в интернет-фольклоре следует остановиться отдельно. Чаще всего встречаются лексические субституции компонентного состава фразы: «*Гламору все возрасты покорны*»; «*Любви все должности покорны*»; «*Любви все возрасты покорны*». В первых двух примерах наблюдается «денотаторное варьирование устойчивой фразы», при котором ее компонент меняется на любой другой, нужный с точки зрения говорящего (пишущего) [4, 63–67]. В последнем примере компонент *покорны* заменен на созвучный – *покорны* – по принципу паронوماзии. Подобные мены усиливают комический эффект: «*Любви не только возрасты покорны, / Матросы и коты тому пример беспорный*». Данная фраза включена в креолизованный текст, содержащий фотографии матроса, обнимающего девушку, и прижавшихся друг к другу котиков.

Можно сказать, что в русской разговорной речи уже закрепились модель, основой которой является данное прецедентное высказывание: X (сущ. в Д.п.) + все возрасты покорны. Варьируемое существительное (X) часто бывает представлено словами следующих лексико-семантических групп: «Спорт», «Война», «Черты характера человека», «Наука и образование», «Творчество», «Компьютерные технологии» и др.: 1) спорту / ГТО / шахматам / волейболу / футболу / конькам / мотоциклам / «Спартаку» все возрасты покорны; 2) войне / стрельбе / героизму все возрасты покорны; 3) добру / вранью / лжи все возрасты покорны; 4) науке / учебе / грамоте / диктанту; 5) творчеству / лирике / поэзии все возрасты покорны; 6) компьютеру / сети все возрасты покорны. Подобные преобразования характерны не только для сетевого фольклора, они, например, часто используются в заголовках СМИ.

#### **Мой дядя самых честных правил**

Всем известное начало внутреннего монолога заглавного героя романа в стихах «Евгений Онегин» (глава первая, строфа I) актуализировалось в Рунете в период пандемии коронавируса, видимо, потому, что в тексте присутствует глагол «занемог»:

*«Мой дядя самых честных правил,  
Когда не в шутку занемог,  
Привиться дома всех заставил  
и лучше выдумать не мог»;*

*«Мой дядя самых честных правил,  
Когда не в шутку занемог,  
Он маску на себя напялил  
И лучше выдумать не мог».*

В сетевой поэзии глагол *занемог* может быть связан не только с вирусной инфекцией, но и с ментальными нарушениями:

*Мой дядя самых честных правил  
когда не в шутку занемог  
Еврокомиссию возглавил  
и МОК.*

Комический эффект сетевого преобразования пушкинского прецедентного высказывания про дядю нередко создается благодаря эффекту обманутого ожидания (дядя-дворянин превращается в криминального авторитета):

*Мой дядя самых честных правил  
Нечестных – просто презирал  
С бродягами в буру играл  
А фраеров пером дырявил.*

В данном примере слово *правил*, судя по всему, является глаголом, поскольку соотносится с глаголом *презирал* во втором стихе. «Бандитский» контекст поддерживается в другом случае при помощи отмеченного нами ранее приема лексической субституции на основе паронимии: «*Мой дядя самых честных грабил*».

#### **Мы все учились понемногу**

Данное прецедентное высказывание из романа «Евгений Онегин» (глава первая, строфа V) в первую очередь используется в сетевом фольклоре при ироническом осмыслении полученного человеком образования: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Самая распространенная и востребованная профессия». В словаре В. Серова приводится следующее значение крылатизма: «шутливо-иронически: о дилетантстве, неглубоких, поверхностных познаниях в какой-либо области» [13]. При трансформации ирония может быть направлена не на ученика, а на учителя: «Нас всех учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь... Ожидаемый результат».

В креолизованных текстах ирония сохраняется. В интернет-презентемах, включающих пушкинский текст без изменений, на сопроводительной картинке могут быть изображены спящий за партой ученик; упитанный кот, несущий в зубах рыбу, и худой облезлый котенок, с завистью взирающий на него.

Иногда ирония может быть направлена не на учеников, а на их родителей:

*Мы все учились понемногу  
Воспитывать своих детей.  
И поняли, что лучший метод  
Вранье, угрозы и шантаж.*

#### **Я помню чудное мгновенье**

Прецедентное высказывание из стихотворения Пушкина «К\*\*\*» («Я помню чудное мгновенье...»), которое входит в школьную программу, нередко становится начальной фразой различных стихотворных опусов, размещенных в Сети:

*Я помню чудное мгновенье:  
В 12 ночи встала ты.  
Потом исчезли хлеб, печенье,  
Эклеры, кексики, торты;*

«*Я помню чудное мгновенье: / Хинкал мы ели, как варенье*»; «*Я помню чудное мгновенье: / Сметану, рыбу и варенье*»; «*Я помню чудное мгновенье, / Как поедаю я печенье, / Из банки лопаю варенье; / Жую конфеты в иступленье*». В данных фольклорных текстах наблюдаем намеренное снижение возвышенного романтического пафоса пушкинского прецедентного высказывания за счет обытовления контекста, введения гастрономической темы, которая опровергает антиципацию, резко контрастируя с заложенным в читательском сознании продолжением оригинала.

На том же принципе, предполагающем обман читательского ожидания и создание комического эффекта, основаны следующие образцы сетевой поэзии, использующие пушкинскую крылатую фразу:

*«Я помню чудное мгновенье:  
Мне подключили Интернет,  
И после этого мгновенья  
Меня в реальной жизни нет»;*

*«Я помню чудное мгновенье:  
Мне подключили Интернет,  
Потом его мне отключили,  
И я увидел белый свет»;*

*«Я помню чудное мгновенье,  
Потом не помню ничего...»*

В крайнее заблуждение потребитель контента вводится, когда в первой строфе пушкинского стихотворения меняется только один (последний) стих:

*Я помню чудное мгновенье:  
Передо мной явилась ты,  
Как мимолетное виденье...  
Зарплата, а была ли ты?.*

Иногда при интернет-преобразовании в продолжении пушкинского текста появляется не просто что-то неожиданное, а противоположное, опровергающее смысл precedentной фразы: *«Я помню чудное мгновенье. / Ну а потом явилась ты»*. В стихотворении «К\*\*\*» чудным мгновением называлось появление возлюбленной в жизни лирического героя, а в сетевом фольклоре приход дамы, наоборот, разрушает прелесть момента.

Другой принцип – перевертыша (текста, основанного на игровой инверсии) – использован при преобразовании пушкинского крылатизма в следующих примере: *«Забыть хочу я то мгновенье: / Открыл глаза – стоишь там ты»*. Мгновение в данном контексте оказывается далеко не чудным. Инверсия может касаться самих лирических героев precedentного текста. В интернет-фольклоре обнаруживается четверостишие, в котором ситуация описывается от лица женщины:

*Я помню чудное мгновенье:  
Передо мной разделся ты,  
И в результате оголенья  
Разбил ты все мои мечты.*

Пушкинская precedentная фраза встречается в сетевом фольклоре и вне лирического контекста. Например, ею сопровождается портрет поэта, при этом она вплетена в оценочное суждение, отсылающее нас к стереотипному представлению о внешности Пушкина: *«Чтобы написать Я помню чудное мгновенье, мало быть кучерявым»*. Адресат по замыслу адресанта должен домыслить это высказывание, прийти к пониманию того, что эту фразу мог написать только гений.

**Прибежали в избу дети, / Второпях зовут отца: / «Тятя, тятя, наши сети / Пригасили мертвеца»**

Все проанализированные выше precedentные высказывания Пушкина часто используются в сетевом фольклоре, поскольку произведения, из которых они взяты, входят

в школьную программу. Но так бывает не всегда. Например, начальное четверостишие стихотворения «Утопленник» оказалось весьма востребованным в Рунете. Причем, преобразования данного прецедентного высказывания можно назвать совершенно новыми, отвечающими на вызовы цифровой реальности:

*«Прибежали в избу дети,  
Второух зовут отца:  
Тятя, тятя, нету сети  
И не загружаецца!»;*

*«Прибежали в избу дети,  
Второух зовут отца:  
Тятя! Тятя! Нейросети  
Оживили мертвеца».*

Как видим, два первых стиха обычно остаются неизменными, преобразованиям подвергаются третий и четвертый. Особенно актуальной в сетевых переделках оказалась тема нейросетей. Мы обнаружили несколько вариантов преобразования пушкинского текста в данном направлении:

*Прибежали в избу дети,  
Второух зовут отца:  
Тятя! Тятя! Нейросети  
Пишут лучшие Гришковца;*

*(Тятя! Тятя! Нейросети  
Заменяли продавца);*

*(Тятя! Тятя! Нейросети  
Заменяли нам Творца).*

Третья и четвертая строки могут меняться в зависимости от установки говорящего: «Тятя, тятя, наши йети / Притащили мертвеца»; «Тятя, тятя, наши скрепы / Разогнулись слегонца»; «Оливье ведро осталось / И полтаза холодца».

В преобразованном виде пушкинское прецедентное высказывание попало в стишок-пирожок:

*Вот прибежали в избу дети  
И хитро смотря на отца  
Мы там в сетях нашли такое  
Короче сам иди смотри.*

Преобразования полностью соответствуют жанровым особенностям стишков-пирожков, о которых мы говорили выше (количество слогов в строках: 9-8-9-8, написано четырехстопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул, рифма отсутствует).

#### **Чего тебе надобно, старче?**

Эта крылатая фраза из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» чаще всего используется в таком жанре сетевого фольклора, как анекдоты, которые нередко имеют в подтексте критику социальной действительности. При этом старик в анекдотах, в отличие от пушкинского персонажа, озвучивает собственные, а не старухины желания, причем такие, которые в современных реалиях неосуществимы: «– Чего тебе надобно, старче? – спросила золотая рыбка. – Хочу с пенсии купить "Мерседес", – сказал хитрый дед и



обеспечил себе бессмертие»; «– *Чего тебе надобно, старче?* – Хочу, чтобы у меня была куча денег, дворец, слуги, чтобы я ел и пил по-царски, чтобы я был знаменит, молод, красив и все девки были моими. – Хорошо, – сказала золотая рыбка, хвостиком махнула, и все появилось, как старик захотел. – Может быть, ты еще чего-нибудь хочешь, ну, для всего человечества. – Хочу, чтобы Ленин ожил, – сказал старик. – Хорошо, – сказала золотая рыбка, еще раз хвостиком махнула, и все исчезло...».

В сетевых анекдотах, содержащих интересующую нас прецедентную единицу, могут подниматься не только социальные, но и экологические проблемы: «Сидел старик на берегу Тихого океана да ловил рыбку. Попалась рыбка, да не простая, а золотая, и говорит ему человеческим голосом: "*Чего тебе надобно, старче?*". Выбросил старик рыбку в море и подумал, что многого о Фукусиме не договаривают...».

Комический эффект в анекдотах о старике и золотой рыбке может создаваться за счет приема остранения, когда персонаж знает содержание написанной о нем истории: «Поймал старик золотую рыбку, и молвила рыбка человеческим голосом: – *Что тебе надобно, старче?* – Для начала другую жену. Пушкина читал, знаю, чем все может закончиться».

О других способах использования данного прецедентного высказывания в интернет-коммуникации см. в: [10].

### **Народ безмолвствует**

В трагедии Пушкина «Борис Годунов» данная фраза представляет собой заключительную ремарку, которая, по замыслу автора, означает молчаливое несогласие народа с происходящими событиями. Став прецедентным текстом, эта фраза интерпретируется то как характеристика бесправного положения народа в условиях политической реакции [3], то как слова, свидетельствующие «о безропотном послушании народа власти, об отсутствии желания, воли, смелости защищать свои интересы» [13].

Крылатая фраза из трагедии Пушкина используется в фольклоре Рунета и в качестве элемента креолизованного текста (например, в карикатурах и демотиваторах), и в составе исключительно словесного жанра (в анекдоте). На одной из карикатур изображен кабинет чиновника. Он держит трубку телефона, из которого вылетают молнии, ножи, пистолеты и черепа, и говорит стоящему рядом помощнику: «А вы говорите: "*Народ безмолвствует*"». Демотиватор, включающий фотографию человека, на ладони которого нарисован грустный смайл, в качестве сопроводительного текста содержит фразу «*Народ безмолвствует* все громче».

Частотность преобразования других прецедентных текстов Пушкина в фольклоре Рунета, по нашим наблюдениям, гораздо ниже. Например, фраза из поэмы «Полтава» *Тиха украинская ночь* в интернет-презентемах обычно имеет другое продолжение, нежели у Пушкина. Вместо изображения поэтического пейзажа (*Прозрачно небо. Звезды блещут*) описывается бытовая ситуация, снижающая пафос оригинала (*Но сало надо перепрятать*). Фраза обычно сопровождается карикатурой, действующими лицами в которых являются вислоусые украинцы в вышитых рубашках и с салом под мышкой на фоне ночной деревни.

Крылатая фраза *Иных уж нет, а те далече* из романа в стихах «Евгений Онегин», по нашим наблюдениям, также преобразуется однократно (*Иных уж нет, а тех долечат*) и используется для характеристики некачественной работы врачей.

Прецедентное высказывание Пушкина «Мороз и солнце; день чудесный!» (первая строка стихотворения «Зимнее утро») в интернет-фольклоре включается в пастиш, являющийся вербальной частью креолизованного текста и сопровождающий разные зимние сценки: «*Мороз и солнце, день чудесный. / Аптека, улица, фонарь. / Терпите, люди, скоро лето. / Ну, а пока февраль*». Пастиш – «жанр словесного или иного искусства, представляющий собою коллаж (мозаику, монтаж), эклектически составленный из кусков разных работ одного или ряда авторов» [9, 542]. В приведенном примере наряду с прецедентным высказыванием Пушкина используются заключительная строка из стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» и переделанная строка из песни О. Митяева «Крепитесь, люди, скоро лето...».

В интернет-фольклоре в качестве вербальных составляющих креолизованных текстов используются и другие прецедентные высказывания Пушкина (*Бойцы вспоминают минувшие дни; Родила царица в ночь...; Буря мглою небо кроет; Зима! Крестьянин, торжествуя...; Ветер, ветер, ты могуч!* и др.). Их преобразования строятся по уже описанным нами моделям.

Таким образом, пушкинские прецедентные высказывания, используемые в русском сегменте Сети, весьма востребованы, многочисленны и разнообразны, присутствуют в разных жанрах интернет-фольклора, активно преобразуются, используются для выражения актуального содержания, отвечают на вызовы времени, включаются в современные контексты, участвуют в языковой игре.

1. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре Рунета: биографический аспект // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2023. № 4(49). С. 357–361.
2. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // *Art Logos (искусство слова)*. 2023. № 4. (в печати).
3. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М., 1987.
4. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула, 2011.
5. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей*. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.
6. Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («Порошок») // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2019. № 4. С. 109–126.
7. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
8. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова. («Горе от ума») / Под общ.ред. Сидоренко К.П. М., 2009.
9. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.
10. Никитина Т.Г. Крылатые выражения Пушкина в интернет-коммуникации и в словаре // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 125–128.
11. «Постфольклор» – современный русский городской фольклор. URL: <http://madan.org.il/ru/news/postfolklor-sovremennyy-russkiy-gorodskoy-folklor> (дата обращения: 19.11.2023).
12. Русский ассоциативный словарь. Т. 1-6. М., 1994–1998.
13. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003.
14. Чемезова И.А., Исакова Е.А. Прецедентная «игра в бисер» как черта интернет-фольклора (на примере жанра «стишки-порошки» и «стишки-пирожки») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. №. 3. С. 230–234.
15. Черняк В.Д. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина // *Revue des Études Slaves Année*, 1999, 71-3-4, pp. 797–800.
16. Щукина К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // *Мир русского слова*. 2015. № 4. С. 49–55.